

АНИТА
ЧЕВЕРС

РАІАНА

КомпасГид
издательский дом
2023

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2=411.2)6-445
Ф31

Автор обложки Наталья Динер

Феверс, Анита.

Ф31 Рагана : [для ст. шк. возр. : 16+] / Анита Феверс ; [авт. обл. Наталья Динер]. — М. : КомпасГид, 2023. — 344 с. — (KompasFantasy).
ISBN 978-5-00083-779-5

Ясмена — беловолосая травница, бегущая от своего прошлого и скрывающая проклятый дар. Таких, как она, называют раганами, лаумовым отродьем, но чаще попросту ведьмами. Лишь они могут лечить раны, нанесенные существами из мира Нави. Несмотря на это, люди ненавидят и боятся раган, а огненные колдуны безжалостно охотятся на них. Всему виной события давно минувших лет, правда о которых сокрыта в Серой Чаще.

Случай приводит Ясмену в маленькую деревушку Приречье, где она находит друзей, любовь и новый дом. Но испытания не за горами: не все жители деревни рады ей, видения о Серой Чаще являются в кошмарах, а колдуны идут по следу юной раганы и совсем скоро достигнут ее.

Ясмене предстоит сделать выбор: вновь пуститься в бега или встретиться со своими страхами лицом к лицу? Ведь только ей под силу разгадать тайны прошлого.

Анита Феверс создает сказочные миры с запахом хвойного леса, свежестью дождя и горечью полыни. Написание книг стало для Аниты якорем, который помог ей удержаться в стремительно меняющемся штормящем мире. Ее первая книга «Рагана» — о людях и умении хранить веру в добро, о выборе и предательстве самых близких. И о том, как важно найти в себе силы, чтобы смело встретить то, чего так боишься.

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2=411.2)6-445

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения ООО «ИД «КомпасГид».

© Анита Феверс, текст, 2021

ISBN 978-5-00083-779-5

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2023

ПРОЛОГ

Все должно было случиться на той самой Поляне.

Поляна была знатная: с высокой травой, в которой вспыхивали огоньки маков и золотились крупные ромашки; со своими холмами и равнинами, где жили князь-суслик и крылатый народ жуков-олений. Даже остров имелся — поваленный давным-давно и успевший позеленеть так, что и не разглядишь, ствол дуба. Детвора помладше с утра убегала на Поляну и резвилась там до самого захода солнца. По вечерам их сменяла молодежь. Жгли костры, тайком пили хмельной мед на травах, прыгали через огонь, держась за руки, пели и плясали. Поляне имя было ни к чему, она так и звалась — Поляной. И все знали, о чем речь. Толкнешь плечом подружку, наклонись заговорщицки к подсвеченному солнцем ушку и шепнешь: «Айда вечером на Поляну?» Подруга подмигнет и сожмет легонько твои пальцы — и без слов станет понятно, что да, конечно, кто же откажется от посиделок на поваленном дубе?

Но сегодня с Поляны разогнали всех — и детвору, и молодежь, и косарей, которым вдруг понадобилось скосить сухую, ломкую от жары траву, бессильно устилавшую потрескавшуюся землю. Смех один. Бабка Марьяна, горбатая, сморщенная, как кора вяза, но все еще звонкая, словно колокольцы в зимней упряжке, отходила взрослых мужиков полотенцем по спинам. Причитала она при этом, что таких дурней свет еще не видывал — надо же, вы б еще ковер перед

лаумой* расстелили, как в княжеском тереме делают! Косари, ворча, будто сонные медведи, разошлись, но косы свои далеко убирать не стали. А ну как все же надо подготовить поле для чаровницы? Не приведи Сауле**, еще разозлится и откажется помогать — что тогда делать?

Марьяна качала головой, повторяя присказку про дурней. В иное время вышеупомянутые незаметно вернулись бы обратно, тихонько окружили старушку и стали прислушиваться к ее трескучему ворчанию в надежде уловить хоть обрывок одной из многочисленных сказок. Не счесть, сколько чудесных историй помнила баба Маря. Но засуха выжгла любопытство из сердец людей. Поэтому Марьяна только щурила по-прежнему яркие синие глаза и ворчала.

Солнце медленно карабкалось к горизонту. Подростки, восседавшие на заборе, вдруг ссыпались с него спелым горохом и покатились-побежали по вымощенным досками улицам, а голоса летели впереди них, распахиная ставни и отворяя двери:

— Идет!

— Как идет? Пешком, что ли? — недоверчиво спрашивали деревенские друг у друга. — Чаровница — и пешком?

— Да нет, едет она, дядя Авдотий! На рыжем коне! Лохматом! — один из мальчишек остановился, бурно дыша и больше жестами, чем словами объясняя гончару его ошибку.

Гончар, тоже рыжий и кудрявый, расправил плечи и крикнул, оглаживая широкую бороду.

— На лошадке иное дело. Лошадкам отдых нужен, а там, глядишь, и задержится, успеет почет и уважение выказать...

Детские голоса уже звенели дальше по улице.

---

* Лаума — в мифологии народов восточного побережья Балтийского моря ведьма, которая ночами душит спящих, насылает кошмары и подменяет детей.

** Сауле — богиня солнца в балтийской мифологии.

Марьяна выступала впереди нарядно одетых селян, по праву старшей встречая гостью. Они перешептывались и приподнимались на цыпочки, стараясь первыми углядеть чаровницу, и Марьяна усмехнулась: перед лицом чуда все люди ровно дети малые. Ворота чуть скрипнули, приветствуя лауму, и Марьяна поклонилась, досадуя на не к месту прихваченную спину.

— Лучом золотым тебе дорога, светлая лаума. Благодарю, что откликнулась на зов и пришла.

— Как же иначе, бабушка, — отозвался Марьяне звонкий девичий голосок, и худые жилистые руки помогли ей разогнуться. Горячие ладони погладили старую женщину по спине, и она тихо охнула от щекотки, что прокатилась по жилам, вымывая боль и привычную, уже не замечаемую скованность движений. Марьяна осторожно выпрямилась и заморгала. Солнце... Просто солнце слишком яркое. Не следует лужицей растекаться на глазах у всей деревни, а то почувствуют волю и распустятся совсем...

Лаума — молоденькая, с двумя тонкими косичками цвета молока и васильково-голубыми глазами — хитро улыбнулась Марьяне, сморщив конопатый нос, но тут же посерьезнела и отстранилась. Прокашлялась, оправила простое платье из небеленого полотна и обвела взглядом взволнованных людей. Чем больше лиц она видела, тем синее становились ее глаза и строже лицо. Когда она закончила осмотр, Марьяна поняла, что ошиблась — перед ней стояла не девочка, но взрослая женщина, немало успевшая повидать за жизнь.

— Совсем плохо дело? — быстро спросила лаума. Люди, приготовившиеся к долгим рассказам, поначалу не поняли, переглянулись испуганно. Постепенно, один за другим они стали выкрикивать кто слово, кто два. Марьяна не мешала. Лаума слушала — всех разом и каждого по отдельности. Ветерок трепал подол ее платья, украшенный зеленой бережной вышивкой, и Марьяне показалось, что вместе с ветром синеглазую стал окружать туман. Повеяло прохладой. Коснувшись щеки, старая женщина растерла между пальцев

мелкие капли, осевшие на коричневой от загара коже. Вздохнула тяжело, нервно дернув сухим горлом, а лаума уже выпустила ее руку и пошла в сторону Поляны, продолжая слушать деревенских.

— Земля потрескалась, аж звенит под ногами...

— Урожай-то, урожай! Чем зимой кормиться будем?

— Я на продажу репу рашу, с чего мне траты покрывать?

— А у нас вся Поляна высохла!

Синеглазая водяница присела на корточки перед выкрикнувшим последнюю фразу малышом и опустила руки ему на плечи:

— Не бойся. Вы сделали все возможное, юные храбрые защитники. И я пришла, чтобы помочь спасти вашу страну. Ты ведь мне веришь?

Малыш, который еще минуту назад обиженно выпячивал губу и размазывал липкую надоедливую пыль по щекам, просиял улыбкой и закивал. Лаума выпрямилась и огляделась: перед ней расстилалась Поляна. Только теперь она была жалкая, бурая, выжженная злым солнцем и беззвучно плачущая о дожде. Князь-суслик давно убрался в новые земли. От жуков-олений остались только хрупкие панцири, рассыпанные возле гнезда. Где-то позади молодой ведьмы обреченно склонили голову посева, молящие богов хотя бы о капельке воды. Такой засухи в этих краях еще не бывало.

Лаума опустилась на колени и уперлась ладонями в растрескавшуюся землю. Ее глаза были закрыты, губы шептали что-то беззвучно. Глинистая сушь вздрогнула, словно живое существо, пробужденное от спячки. Люди, переглядываясь, откатились от чаровницы, вернулись под защиту знакомых заборов и уже оттуда, с безопасного расстояния, продолжили наблюдать.

Лаума говорила, и в ответ на ее слова сгущался туман. Он поднимался вокруг женщины клубами, похожими на дым, уплывал в небо, но не таял, а будто наслаивался, и молочный покров становился все плотнее. Под ногами вздрогнуло раз, другой. Те, кто оказался похрабрее и ушел недалеко, охнули, когда пальцы чаровницы провалились в дерн, а из ямок под ними брызнула вода. Сначала

несмело, крошечными нитками потекла она во все стороны. Потом сильнее и быстрее, пока целые ручьи не побежали по трещинам и выбоинам, делая круг и собираясь в одном месте — долине, где встретили свою смерть жуки-олени. Вода заполняла низинку, и хотя та была неглубока, но потоки ручьев безостановочно стекались к ней, как будто дна у нее вовсе не было. Озерцо наполнилось до краев, и на поверхности закачались желтые полосы высохшей осоки.

Лаума медленно вытянула руки из земли и вскинула их к небесам. Испачканные глиной и песком, они казались одетыми в красные перчатки, и кто-то передернулся, разглядев в их цвете кровь. Глаза лаумы по-прежнему были закрыты, но голос звучал ровно, в полную силу. Тем, кто рискнул вслушаться в слова, пришло видение: сизые отроги гор, пронзающих вершинами облака, и десятки хрустальных рек, сбегających по их крутым склонам. Они несли свои воды в долины, чтобы напитать всю сеть водяных жил, исчертивших Беловодье серебром. Над прозрачными потоками в воздухе искрились сотни радуг и сливались в одну — огромное Радужное колесо.

Запахло грозой. Вдалеке, пока только примериваясь, заворчался и вздохнул сердито гром. Робкие струи дождя огладили запрокинутые к небу лица прохладными руками. Дождь набирал силу, поил собой землю, от которой пошел белесый пар. Ребятня с визгом носилась по лужам, да и взрослые, скинувши кто лапти, кто сапоги, не сильно от них отставали.

Марьяна стояла рядом с лаумой и успела подхватить покачнувшуюся женщину под руку. Та улыбнулась: глаза ее снова стали васильковыми, а не грозowymi.

— Все у вас будет хорошо.

Марьяна осторожно опустилась на лавочку возле своего дома, все еще не веря, что боль ушла. Лаум было мало, и их дара не хватало на всех. Какой доброй ни оказалась синеглазая, она не пришла бы

просто вылечить спину старухе. Но помощь понадобилась большому поселению, и водяница откликнулась на мольбу. Впрочем, Марьяна чуяла: эта сразу не уедет. Скажет, что надо восстановить силы, и ненароком спросит, не надо ли кого подлечить по мелочи. После ее отъезда еще долго никто не будет маяться хворями. И уж точно все детки родятся здоровыми и крепкими.

Тот самый малыш, с которым говорила лаума, вскарабкался на лавку и потянул Марьяну за юбку:

— Баба! А хорошо, что лаумы вернулись?

— Хорошо, малой, а то как же, — важно кивнула старушка.

— Баба! А ты знаешь, как они дорогу-то обратно нашли? — не унимался малец.

Марьяна знала наперед все, что он скажет и о чем попросит, чай, не впервой они в эту игру играли. Но старой женщине было в радость рассказывать одну и ту же сказку. Быть может, потому, что она сама когда-то в этой сказке побывала.

— Да, баб Маря, расскажи, как лаумы в мир вернулись? — подержал малыша Авдотий.

Марьяна, заплутавшая в своих мыслях, подняла голову и усмехнулась: вокруг собирались сельчане, рассаживаясь кто на траве, кто на принесенных лавках. В основном молодежь, но были и люди в возрасте, как рыжий гончар. Взглянув на буйный пламень его волос, Марьяна вспомнила другого рыжего мужчину. А еще — девушку с серебряными прядями в волосах и колдуна с глазами цвета смарагдов. Старушка пошамкала губами, ловя ниточку рассказа, и заговорила красивым звонким голосом, напоминавшим, что когда-то и она была молода и прекрасна.

— Ясмена ее звали. Она пришла к нам в Приречье вместе с осенним дождем...

Глава 1

БОЙСЯ СВОИХ ЖЕЛАНИЙ

Я проснулась от собственного крика.

Рывком села и невидящим взглядом уставилась в окно. В груди глухо kloкотало, как будто тело заново училось дышать. На улице царила ночь, и луна была единственным свидетелем моего очередного кошмара. Я зашептала, как молитву, давно выученные наизубок слова:

— Меня зовут Ясмена. Я человек. Я родом из Воьны.

Я слизнула солоноватые капли, пробежавшие по губам, откинула одеяло и встала с лавки.

— Меня зовут Ясмена...

К навьим тварям такие сны. Выплюсь в следующей жизни.

— И я — человек.

На мои вопли никто не прибежал: дом был пуст, и кроме меня, прикорнувшей в комнате под самой крышей, в нем можно было встретить разве что мышей. Я поплескала в лицо ледяной водой из глиняного кувшина, стоявшего возле лавки, натянула штаны и рубаху из домотканого полотна и повязала на пояс любимый фартук — мягкий, как пух, из-за частых стирок. Как была, босиком спустилась в жилую часть дома и, не задерживаясь, скользнула на первый этаж. Вид знакомых склянок, подсвеченных любопытной желтоватой луной, заставил собраться, глубоко вздохнуть

и сосредоточиться на деле. Лучшим средством от ночных кошмаров была работа, вот я и взялась посреди ночи растирать и смешивать травы. Привычное дело быстро захватило все внимание, позволяя не думать об образах, приходивших во сне.

Я не знала, сколько прошло времени, когда пальцы стало сводить судорогой, а в глаза словно насыпали песка. Усталость медленно, но настойчиво оплетала меня, как будто она проросла из разошедшегося пола, а я случайно наступила прямо в ее сердцевину. Ног я почти не чувала, колени сгибались порой против моей воли. Руки дрожали, но я упрямо продолжала нарезать, толочь, смешивать, а после — рассыпать по тканым мешочкам и разливать по бутылкам темного стекла снадобья всех мастей. Хочешь настойку от головной боли? Пожалуйста. Маешься животом? И от этого найдется. Понесла нежеланного? А вот тут нетушки, иди к знахарю, пускай наперво осмотрит и скажет, можно ли прерывать и не опасно ли для девицы это будет.

Выверенными движениями я создавала лекарства и далеко не все из них собиралась завтра отдать хозяину дома.

Тонкий поникий фитилек плавал в плошке с маслом, давая света едва-едва — как раз столько, чтобы не спутать ингредиенты. И все же его было недостаточно: я то и дело шурилась и не ленилась лишний раз перепроверить, те ли травы положила в ступку. По правде, от луны, заглядывающей в окно, толку было и то больше, чем от дрожащего огонька. Увы, тяжелый стол из темного дуба — он смотрелся чуждо в полупустой скудно обставленной комнате — подвинуть к окну я не могла. Если только надорваться при попытке и возле этого стола и помереть, к чему, понятное дело, я не стремилась. Поэтому оставалось только наклоняться как можно ниже, почти утыкаясь носом в рассыпанные по столу травки, поминать навий* и утешаться мечтой об увесистых монетках, которые я получу за свои снадобья.

---

* Навьи — в славянской мифологии нечистые духи.

Уже завтра старик Игнотий, знахарь из Полесья — того самого городка, куда завела меня судьба, — наконец отдаст оговоренную плату за месяц и я смогу пройтись по ярмарке не только чтобы поглазеть. Впрочем, дедуля немного отведет душу. Сложит серебрушки горсткой перед собой, глянет из-под густых седых бровей, а потом нарочито медленно выудит два кругляша из невысокой стопки. Обязательно отполирует их об рукав и положит на стол. Скажет:

— Надеюсь, ты не забыла, что я тебя не задаром жить пустил? И усмехнется этак гаденько.

Разве можно забыть то, что происходит из месяца в месяц, всякий раз разыгрываемое как по-писаному? Мой тяжелый вздох и смиренный кивок тоже выучены, будто роль в балагане глумцов. Я уже наловчилась одновременно подсчитывать иную прибыль — за проданные из-под полы склянки — и в то же время сохранять покорное выражение лица. Хотя порой так хотелось вскочить, наорать на старика, стукнуть кулаком по столу и забрать свои кровные... Я ведь нанималась в его лавочку травницей, а не прошло и пары месяцев, как на меня повесили составление лекарств, уборку и ведение амбарной книги. За весь мой труд Игнотий благосклонно позволил жить на чердаке не за четыре серебрушки, а за две. Впору бы послать его куда подальше... Увы — старый хрыч был и правда талантливым лекарем. Я надеялась научиться у него врачебным хитростям, но вот загвоздка — он не брал подмастерьев. Зато ему нужна была травница, а позже, когда очередная девка-чернавка сбежала с проклятиями, — и та, кто будет следить за хозяйством.

Вот поэтому я и оказалась в полночь за дубовым столом с зелеными по локоть руками. Я надеялась, что отмыть их удастся: некоторые смеси въедались в кожу так цепко, что я всерьез предлагала Игнотию красить ими заборы. Он, правда, честил меня безмозглой девицей, не понимающей истинную цену лекарств, и предложение с негодованием отвергал. Я же втихую проверяла свои догадки,

записывала удачные смеси и хранила рецепты в заветном кожаном тубусе с замочком. Его я не показывала никому и прятала в надежном месте, надеясь когда-нибудь обменять записи на звонкие золотые монетки-жароптицы, или попросту жарки.

Я со стоном разогнулась, потирая поясницу. Последняя бутылочка была закупорена и водворена в ящик, где уже стояли ее товарки. Я с тоской оглядела разруху, оставшуюся после работы, и, грешным делом, подумала, не поджечь ли всю лавочку, лишь бы не браться за веник и тряпку. Оттягивая время, скрутила волосы в пучок и спрятала под косынку, чтобы не мешались при уборке или поджоге — как пойдет.

Но моим разрушительным планам не суждено было сбыться. В дверь заколотили, потом стук перешел на протестующе задребезжавшее окно — Игнотий мог себе позволить настоящее стекло, — и свет луны закрыло чье-то искаженное мукой лицо.

В Полесье, где я провела последний год, смешивая травы и исписывая тяжелую амбарную книгу цифрами, меня воспринимали как девочку на побегушках при Игнотии. Посмеивались, но привечали, особого уважения не выказывали, но и не беспокоили. Мне того было довольно. Сила, дремавшая во мне, просыпалась нечасто, но, когда это случалось, никто не хватал меня за руку, если вдруг я отправлялась в трущобы, чтобы отнести несколько кульков травяных сборов живущим там детям. О том, как еще я им помогала, никто и не догадывался.

Если кто-то явился посреди ночи, значит, дело действительно важное. Вот только Игнотий уехал на два дня в соседний городок. Запряг смирную лошадку Василиску, бросил мне ключ от дома и наказал к его приезду заполнить лекарствами два ящичка. Он должен был вернуться наутро. Но человек, от ударов и криков которого вот-вот грозило вылететь стекло, пришел сейчас и до рассвета ждать явно не мог.

Я побежала к двери и быстро отомкнула замок. Мужчина ввалился внутрь, его лицо прочертили полосы слез, но я испугалась даже не этого, а того, как он стал хватать меня за руки и бормотать что-то, давась словами и хрипя.

— Послушайте, пан, я ничегошеньки не поняла. Идите сюда. Сядьте. Вот так, — я пинком подогнала табуретку под ноги несчастного, и он не то что сел — рухнул на нее как подкошенный. Я повернулась к столу и выхватила из ящичка два пузырька. Мужчина снова попытался мне что-то объяснить, но я махнула ему, мол, обожди. В кружке быстро смешала по пять капель каждой настойки, плеснула туда воды и взболтала снадобье. Сунула кружку мужчине в руки и заставила выпить все. Телесная дрожь прекратилась почти сразу, но страх из его глаз никуда не делся. — Вот теперь говорите, что стряслось.

— Жена моя... Женка... Она в тяжести, должна была родить только через месяц. Сходила поутру на рынок, вернулась — лица нет. Прилегла, сказала, поспать хочет. А к вечеру ее скрутило так, что ни вздохнуть, ни охнуть. Я думал сразу за знахарем бежать, а она останавливала. Я, дурак, послушался! — с неожиданной злостью выпалил мужчина и дернул себя за волосы. — Ай, дурак я, дурачина, что ж я наделал...

— Так, не отвлекайтесь! Что с женой?

— Кровь из нее хлынула, — простонал мужик, и я нахмурилась. Плохо дело. — Много, словно озеро расплескалось. Я кровь выдывал, но то в драке или когда нечисть задерет, а тут — баба брюхатая... Неправильно это. Жутко! Помогите, пани знахарка! Умоляю! Видит Гильтине*, все что угодно для вас сделаю! — мужик неловко свалился со стула и вцепился в край моего фартука. Я отшатнулась и вырвала ткань из его пальцев. В голове бешено скакали мысли.

---

* Гильтине — в литовской мифологии богиня смерти.

Целый год я прожила в Полесье спокойно, выпуская на волю лишь крохи своей проклятой силы. За все это время мне удалось избежать внимания дейвасов и чьих-либо подозрений. И помочь сейчас несчастной роженице значит рискнуть всем. Вот только и отказать я не могла. По разным причинам.

Мужчина, по-видимому, не знал, что я не знахарка, а только травница. Он уже не умолял, а тихо плакал, уткнувшись лбом в пол у моих ног.

— Эй, — я наклонилась и тронула его за плечо. — Ребеночек-то у вас какой по счету будет?

— Первый, — всхлипнул несчастный.

Я мысленно выругалась, потом подумала и повторила вслух. Не помогу сейчас — может случиться, у них вообще никогда детей не будет. Хорошо, если роженица выживет. И до утра выжидать времени нет.

— Да что ж такое, — простонала я и принялась собирать все необходимое.

Мужчина наконец приподнялся и сел на колени, следя за мной лихорадочно блестящими глазами и шмыгая красным распухшим носом. Похоже, он не сразу поверил в то, что я действительно собираюсь помочь. Я и сама не верила. Но быстро обулась, подхватила корзинку и кивнула.

— Показывайте дорогу, пан. И хватит рыдать, сделаю что смогу.

Выйдя на улицу, я поежилась и плотнее запахнула плащ. Густой липкий туман завладел ночью и ощупывал-оглядывал каждый уголок, куда только могли дотянуться его белесые пальцы. Вдалеке коротко взвыли собаки, но быстро смолкли. Долетели обрывки ругани и визг — верно, хозяин спросонья прошелся хворостиной по хребтам. Зря. В другой раз не залают, и вор уйдет безнаказанным.

Мужчина, так и не назвавший своего имени, шел впереди, то и дело оборачиваясь. Наверно, проверял, не передумала ли я, не развернулась ли обратно в лавку. Я только крепче стискивала ручку

корзинки, где вздрагивали пузырьки, и ободряюще улыбалась ему в ответ. Не знаю уж, что ему виделось в свете луны, но после каждой моей улыбки он вздрагивал и почти переходил на бег.

Ночь стояла безветренная, и прогнать туман было некому. Начало листопада еще было пропитано сухой летней жарой с ароматом свежего сена и поздних яблок, но в темное время от тепла не оставалось и следа. Близился праздник Лешего, и суровые холодные ветры дули почти беспрестанно — тем жутче было сегодняшнее безмолвие. Словно затишье перед бурей.

Нам никто не встретился, и я порадовалась, что не придется отвечать на ненужные сейчас приветствия и объяснять, куда я так спешу. Конечно, всегда можно было махнуть рукой и крикнуть: «После скажу!», но вот только люди такие обещания никогда не позабудут. Припрутся в лавку, начнут расспрашивать, а там и до ушей знахаря дойдет — проблем не оберешься. Нет уж, сейчас я должна помочь новому человеку прийти в мир, и это важнее любых досужих разговоров.

Мужчина остановился перед домом, неуверенно теребя в руках шапку. Он тяжело вздохнул и крупно вздрогнул, глянув на меня шальными глазами, когда я положила руку ему на плечо. Он не спешил войти, а когда изнутри донесся полный мучительной боли стон, и вовсе попытался отступить.

Я стиснула его плечо, не давая сбежать, и спросила:

— Туда пришли?

Он кивнул, потом решил ответить и вслух, видно, для надежности:

— Т-туда.

— Здесь стойте. Если я выйду и скажу, побежите по дороге к Олонцу. Там будет проезжать старший знахарь — пан Игнотий. Встретите и поторопите, расскажете, что случилось.

Впервые на лице мужчины отразилось сомнение. Он наморщил лоб, но прежде, чем успел задать вопрос, я легонько его оттолкнула и пошла в дом. Ступив на крыльцо, все же обернулась и бросила:

— Я сделаю все, чтобы ей помочь.

Роженица лежала на кровати. Ее лицо было бледно, воздух с при- свистом выходил из приоткрытого рта. Я думала, что живот будет огромным — одной из причин мог стать крупный ребенок, — но ее животик, напротив, оказался маленьким и ладным. Со спины навер- няка и не догадаться было, что женщина в тяжести.

Рядом с ней сидела местная повитуха. Я мысленно помянула навий: надеялась, что никого не встречу, сделаю свою работу и уйду. Но видимо, муж роженицы сначала побежал за повитухой и только потом, когда та не справилась, бросился к знахарю. Повитуху звали Жанина, и она прекрасно знала, кто я такая. Игнотий раз в месяц лично смешивал большую партию лекарств для Жанины и отпра- влял меня их отнести.

Жанина вскинулась на звук шагов и недоуменно нахмурилась при виде меня. На ее лбу блестели капельки пота, пряди волос цвета соли с перцем прилипли к коже. Странно: мне, напротив, показало- сь, что в избе холодно. Жанина выпрямилась и отерла лоб рукой. Несмотря на простоватый вид, у этой женщины был сметливый ум — она не стала меня расспрашивать. Бросила только:

— Надеюсь, ты успела чему-то научиться у Игнотия.

И отодвинулась, подпуская меня к кровати.

Жанина не знала, что я и без умений знахаря могу помочь не- счастной женщине. Вот только для меня это обернется огромной бедой.

Я поставила корзинку на пол, омыла руки в тазу с горячей водой, на который указала Жанина, и подошла к кровати. Присела с краю и тронула лоб женщины — он и вправду был холоден, словно лед. В комнате висел запах трав, трехногая жаровенка в углу едва кури- лась сизым дымком. Я откинула одеяло и огладила маленький

животик, напевая легкий заговор. В ответ мою ладонь слабо толкнули, как будто ребенок внутри повернул головку на звук. Я продолжила петь, чуть изменив тональность, — и по коже разбежались огненные нити, сплетающиеся в ручейки. Тело роженицы ровно посередине вспыхнуло, словно мерцающие угли. Жанина сдавленно ахнула и закрыла рот фартуком, во все глаза глядя на происходящее. Женщина на кровати застонала и выгнулась дугой, уставившись в потолок незрячими глазами.

Роды и без того работа нелегкая. Но когда рожает от блазень*, они и вовсе превращаются в действие, невозможное для человеческого тела. Вряд ли кто-то рассказал женщине, жаждущей младенца, что она не сможет родить навье дитя. Оно просто разорвет ее в попытке выбраться на свет.

— Боги милосердные, защитите... Яся! Что делать-то? — выдохнула Жанина, не отнимая фартук ото рта, как будто пыталась прикрыться им от присутствия нечистого духа. Как-то враз она словно уменьшилась, от растерянности ее лицо помолодело и поглубело. Я не ответила, продолжая водить руками и касаться то лба, то сердца, то живота несчастной, слишком хотевшей стать матерью. От каждого моего прикосновения по огненным ручейкам пробегала волна света, как будто в них билась живая кровь.

— Выйдите, панна Жанина.

— Но ведь надо дейваса позвать! Мы не сладим!

— Вы — нет. А вот я попробую.

— Ты совсем сдурела, девка?! — Жанина вспыхнула яростью быстро, словно сухая лучина, но за нею угадывался страх. Неожиданно — за меня. — Ишь чего удумала! Решила следом пойти? Так для тебя, пришлой, могилу копать никто не будет, собакам скормим.

— Поперхнутся, — невозмутимо отозвалась я и указала на дверь. — Выйдите, панна.

---

* Блазень — в славянских преданиях призрак, привидение.

— Да провались ты пропадом, дурная! — я думала, повитуха грохнет дверью, но она закрыла ее едва слышно, шепнув что-то в уже закрывающуюся щель. Что ж, я надеялась, что это пожелание удачи.

Я растерла ладони, вытягивая последние ноты заговора. Огненные жилы чуть погасли, и живот женщины, продолжавшей безучастно смотреть в потолок, заволновался. Особенно резкий поворот — и изо рта несчастной хлынула кровь, залившая подбородок и грудь. Щекотная сила уже разливалась у меня под кожей, пенясь, как игристое вино, которым меня угощал когда-то мамин знакомый. Она все ширилась и ширилась, и, когда заполнила меня до отказа, так, что еще чуть-чуть, и выплеснется наружу, — граница истончилась, и я упала в Навь.

Здесь силуэт женщины почти не угадывался. От него осталась только серая оболочка, высосанная и опустошенная, как попавшая в цепкие паучьи лапы беспечная бабочка. Зато маленький блазень светился, накормленный чужой жизненной силой. Он повернул в мою сторону зубастую мордочку и оскалился. Напасть ему не позволял плен материнского тела, но я видела, что еще чуть-чуть — и тварь пустит в дело когти, убивая мою подопечную.

Я боялась, что мы опоздали. Но повезло — пара мгновений в запасе все же оставалась.

Глава 2

НЕПРОЖИТЫЕ ЖИЗНИ

Я запела колыбельную.

Тихие ласковые слова текли журчащим ручейком, будто передо мной было не чудовище, а крохотный малыш, такой умирительно-сладкий, что жуть как хочется скорей взять его на ручки. Блестят умные глазенки. Молотят по воздуху крепко сжатые кулачки. Чуть